

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/8

## **Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие\***

**З.И. Резанова<sup>1</sup>, А.В. Дыбо<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup> Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: rezanovazi@mail.ru

<sup>2</sup> Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/12

E-mail: adybo@)mail.ru

### **Авторское резюме**

Проблема речевой нормы и отклонений от нее в разных формах коммуникации никогда не потеряет своей актуальности, т. к., с одной стороны, языковое нормирование входит в сферу государственного регулирования, направленного на ее стабилизацию, с другой стороны, варьирование нормы является неизбежным следствием воздействия динамически развивающегося речевого узуса. В статье обсуждается проблема множественности факторов, обуславливающих появление отклонений от речевой нормы (стандарта) и их взаимовлияний. Основное внимание уделяется взаимодействию межъязыковой интерференции и внутренних тенденций развития языка в его разных формах и дискурсивных вариантах. Проблема рассматривается на примере отклонений от речевого стандарта в области падежного управления в региональном варианте русского языка – в спонтанной устной речи шорско-русских билингвов, вариантность которого обусловлена в числе прочих причин широким распространением двуязычия в регионе, субстратным влиянием материнских язы-

---

\*Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

ков на речевые практики говорящих на русском языке билингвов. Разработанная авторами и представленная в статье модель анализа может быть применена к материалу других языковых контактов и сфер внутриязыковых взаимовлияний. Источник материала – данные подкорпуса шорско-русских билингвов Корпуса русской устной речи тюркско-русских билингвов (RuTuBic). Корпус включает, наравне с традиционным для лингвистически размеченных корпусов морфологическим аннотированием, разметку отклонений от речевого стандарта. Модель была апробирована на материале записей направленных интервью и свободных бесед с 11 респондентами. Объем материала – около 15 часов звучания. В качестве основных источников отклонений от речевого стандарта выделяются интерферентное влияние шорского языка, диалектное влияние сибирских русских народных говоров, закономерности построения спонтанной разговорной речи, активные тенденции грамматики русского языка, дискурсивные и жанровые особенности фрагментов речи.

**Ключевые слова:** русский язык, устная разговорная речь, отклонения от речевого стандарта, языковая интерференция, шорский язык.

## Deviations from the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions\*

**Z.I. Rezanova<sup>1</sup>, A.V. Dybo<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup> Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: rezanovazi@mail.ru

<sup>2</sup> Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

1/12 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: adybo@mail.ru

### Abstract

The problem of the speech norm and deviations from it in various forms of communication will never lose its relevance. Firstly, linguistic rationing is included in the sphere of state regulation aimed at stabilizing it, and, secondly, variation in the norm is an inevitable consequence of the

---

\*The study was carried out within the project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”, supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Grant Nr. 14.Y26.31.0014.

impact of a dynamically developing speech pattern. The article discusses the problem of the multiple of factors that cause deviations from the speech norm (standard) and their mutual influences. The attention primarily focuses on the interaction of interlingual interference and internal trends in the development of language in its various forms. The problem is considered on the example of deviations from the speech standard in case forms in the regional version of the Russian language – in the spoken language of Shor-Russian bilinguals. The variability of the case forms is caused by the wide spread of bilingualism in the region and the substrate influence of the mother languages on the speech practices of bilinguals speaking Russian. The analysis model presented in the article can be applied to other linguistic contacts and intra-lingual interactions. The source of the material is the Shor subcorpus of the Corpus of Russian oral speech of Turkic-Russian bilinguals (RuTuBic). The corpus includes morphological annotation, common for linguistically marked corpuses, as well as marking of deviations from the speech standard. The model was tested on the material of interview records of 11 respondents (15 hours). The main sources of deviations from the speech standard are the interference of the Shor language, the dialectal influence of Siberian Russian dialects, structures of colloquial speech, active tendencies of Russian grammar, and discursive and genre features of speech.

**Keywords:** Russian language, spoken language, deviations from the speech standard, language interference, Shor language.

Актуальность обращения к проблемам речевой нормы, отклонений от нее в разных формах коммуникации и к выявлению факторов, влияющих на их появление, определяется тем, что кодификация языковых норм является важной составной частью государственного регулирования в сфере образования и коммуникаций. Вместе с тем варьирование языковой нормы, требующее со временем изменений в кодификации, является неизбежным следствием воздействия динамически развивающегося речевого узуса, изменения которого обуславливаются как внутрисистемными закономерностями, так и межъязыковыми взаимодействиями.

В данной статье обсуждаются теоретические основания и методика выявления внутри- и межъязыковых факторов, обуславливающих появление отклонений от речевой нормы (стандарта) и их взаимовлияний в спонтанной устной речи говорящих, живущих в условиях языкового контактирования. Задача решается на материале отклонений от речевого стандарта в области падежного управления в региональном варианте русского языка – в спонтанной устной речи шорско-русских билингвов, вариантность которого обусловлена в числе прочих причин широким распространением двуязычия в регионе, субстратным влиянием материнских языков на речевые практики говорящих на русском языке билингвов.

Актуальность обращения к проблеме влияния материнских языков на речевые практики русскоязычных билингвов определяется тем, что русский как государственный язык Российской Федерации, оказывая значительное влияние на развитие других функционирующих на ее территории языков, сам испытывает их разнонаправленное воздействие. Значимость же обращения к исследованию русско-тюркского взаимодействия определяется широтой распространения данного типа языкового контактирования в РФ, а также и в других славяноязычных регионах. Вместе с тем разрабатываемая модель может быть применена при анализе других вариантов взаимодействия родственных и неродственных языков в зонах активного языкового контактирования, в т. ч. в ситуациях влияния родных языков говорящих на их речевые практики на функционально доминирующих языках.

Представляемый в работе исследовательский подход к анализу разнотипных влияний включает несколько этапов.

На первом этапе были проведены полевые исследования, сделаны записи устной спонтанной речи жителей региона, относящихся к разным социальным, возрастным, гендерным группам. В нашем проекте было введено базовое ограничение при выборе респондентов – билингвизм: при работе в регионе Горной Шории записывалась речь преимущественно шорско-русских билингвов, респондентов, родным языком которых был шорский, вторым – русский, однако есть материалы и с обратным соотношением языков, при котором шорский язык в речевом опыте респондента занимает позицию второго, изучаемого языка, т. е. речевые манифестации русско-шорского билингвизма.

Ранее авторами проекта было охарактеризовано влияние разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики в исследуемой территории [11] с опорой на данные переписи населения [4], а также территории с соотносимой, но не тождественной с языковой ситуацией, представленной в работе Е.Д. Артёменко и А.С. Буб [3: 294–311]. Языковая ситуация в регионе характеризуется как несбалансированная с абсолютным доминированием русского языка во всех сферах жизни. Во второй половине XX в. шорский язык переместился в сферу домашнего и дружеского общения, замещаясь со все нарастающей интенсивностью во всех разнотипных социальных коммуникациях русским языком, обретая черты херитажного языка (в другой терминологии – эритажного, наследованного языка, наследуемого языка, языка семейного наследия, языка семейного общения)<sup>1</sup>.

Содержанием второго этапа явилось создание на базе собранного речевого материала бимодального лингвистически размеченного корпуса текстов – RuTuBic<sup>2</sup>, предполагающего в качестве основных

необходимых этапов транскрипцию устной речи, синхронизацию звучания и субтитров, метаразметку и два типа лингвистического аннотирования.

Метаразметка включает характеристику субъекта коммуникации и входящих в состав корпуса текстов и / или их фрагментов. Текстовая метаразметка характеризует тексты и их фрагменты по признакам: тип речи (монолог, диалог, полилог), тип дискурса (институциональный, персональный), речевой жанр (в корпусе аннотируются только крупные жанровые формы без дальнейшего членения на субжанры; условия сбора речевых записей ограничивают представленную в корпусе палитру жанров: интервью, разговор, беседа, рассказ, история), тема текста (маркируются также только крупные тематические блоки: самохарактеристика, семья, период жизни, образ жизни, событие, этническая культура, природа, социальное окружение).

База данных корпуса включает в качестве основы метахарактеристик респондентов данные двух анкет: социолингвистической анкеты [8: 221–231] и анкеты языкового опыта билингва [18: 940–967]. В настоящее время подкорпус записей устных интервью и бесед с шорско-русскими билингвами включает более 50 часов звучания. Нашими собеседниками были 53 жителя Горной Шории, возраст которых – от 32 до 81 года, уровень образования – от начального до высшего, в т. ч. филологического со специализацией в области шорского языка и литературы.

Основное содержание лингвистического аннотирования – морфологическая разметка на основе MyStem и ручная разметка отклонений от речевого стандарта, в качестве которого авторами приняты нормы русской письменной литературной речи.

Одна из основных задач корпуса – зафиксировать отклонения от речевого стандарта (ОРС), обусловленные влиянием родных тюркских языков на речевые практики русскоговорящих билингвов. Однако принятая в корпусе система аннотирования ОРС позволяет проводить более широкий круг исследований, нежели анализ межъязыковых интерферентных процессов, т. к. часть ОРС в речи респондентов обусловлена влиянием условий и норм устной спонтанной речи и русской просторечной и диалектной среды языкового существования наших респондентов. При аннотировании фиксируется уровневый статус ОРС и его подтип. Приведем для примера образцы аннотирования ОРС на морфолого-синтаксическом уровне. SyntGov – нарушение нормы падежного и именного управления: существительное имеет форму другого падежа, нежели требует управляющий глагол или существительное в кодифицированном письменном языке (*...после него у нас пять священник* (SyntGov) (священников) *поменя-*

ли<sup>3</sup>); SyntAgrGen – нарушения норм согласования прилагательных, порядковых числительных и местоимений-прилагательных с формой рода существительного (...*всё, боль невыносимый* (SyntAgrGen) (невыносимая) *уже*); MorphNum – нарушения норм грамматической категоризации по числу (*А вы там делайте, чтоб в руках молочный был, сухая сливка* (MorphNum) (сливки), *да туда разбавляйте, она очень вкусна*) и т. п.

Аннотирование ОРС интерпретируется нами как важнейший этап исследовательского подхода, этап сбора информации о диапазоне варьирования на определенном участке языковой системы, степени его распространенности как в исследуемой речевой среде в целом, так и в речи отдельных говорящих. Данная «инвентаризация» позволяет поставить вопрос о возможных факторах, влияющих на проявление разных типов ОРС и их вариантов.

Этот вопрос решается на четвертом исследовательском этапе, содержанием которого является соотнесение ОРС с нормами языков и их функциональных вариантов, формирующих среду коммуникативного существования респондентов. В том варианте, который был исследован авторами статьи, это: 1) языковые нормы и активные тенденции в их современной динамике на всех уровнях языковых систем русского и шорского языков; 2) нормы территориальных вариантов языков (русские сибирские говоры вторичного образования и два в значительной степени различающихся диалекта шорского языка – мрасский и кондомский; 3) нормы устной разговорной спонтанной коммуникации; 4) частные дискурсивные и жанровые коммуникативные нормы.

Основной методический прием, используемый на данном этапе, – соотнесение обнаруженного отклонения от речевого стандарта с охарактеризованными в научной литературе, в т. ч. участниками проекта, нормативными системами языков и частными нормативными системами их территориальных и функциональных вариантов. Результаты такого соотнесения позволяют выявить возможное взаимовлияние языковых систем и подсистем, в сфере воздействий которых находится речевая практика респондентов.

Представим применение такого метода при исследовании падежного управления в речи русскоговорящих шорцев<sup>4</sup>.

В исследуемых записях речи одиннадцати информантов были выделены следующие варианты отклонений от норм падежного управления:

дат. п., замещающий род. п. (далее данное отношение обозначается →, в скобках представлена нормативная словоформа): *Мы вам (вас) не понимаем* (З.И., с, 2);

им. п. → вин. п. – *А они думают: «Ты поди уже печка (печку) топить забыла»* (Н.Н., с, 2);

род. п. → вин. п. – *Ну, я делала этого (это), но тяжёлый камень, здоровый камень, с дыркой, ручка, а туда, в середине дырка, туда сыпешь... вот это, крупу* (И.А., нв, 2);

род. п. → им. п. – *...бульоны люблю, картошка побольше (картошки), луку и мяско, без лапши* (Н.Н., с, 2);

им. п. → род. п. + из – *А вот здесь дети, которые именно Таштагол, Кабырза (из Таштагола, из Кабырзы), посёлки (из посёлков), которые у нас есть, оттуда* (МА, в, 2);

им. / вин. п. → предл. п. + о – *Ну, вот она пишет своё детство (о детстве), потому юность (о юности), потом... о любви много стихов* (ЕН, в, 2);

им. / вин. п. → предл. п. + в, на – *...вот, када, позапрошлый год ездил (в позапрошлом году) – всё... Где наша избушка была – там малинник один растёт* (М.Н., н, 3);

им. / вин. п. → твор. п. – *Ну, нянечка (нянечкой) в больнице пойдешь, ну, поваром, если выучишься* (Н.Н., с, 2);

дат. п. → им. п. – *Старшему – семь, младший (младшему) – уже, наверное, год и восемь* (МА, в, 2).

Представляемый в данной статье тип билингвального взаимодействия – ранний естественный билингвизм с функциональной позицией шорского языка как языка семейного общения в условиях доминирования русского языка во всех сферах коммуникации – обуславливает незначительную долю ОРС рассматриваемого типа в общем объеме записей русской речи респондентов, сосуществование нормативных и отклоняющихся норм вариантов падежного управления даже в пространстве одного высказывания: *Ну, вот она пишет своё **детство** (о детстве), **потому юность** (о юности), **потом... о любви** много стихов, ну, ранняя вот любовь, как бы, посвящает много своим детям, сыновьям она там посвящает, у ней стихи* (ЕН, в, 2).

Среди отклонений количественно доминируют замещения им. п. → предл. п. (33 примера), им. п. → вин. п. (13), дат. п. → вин. п. (9).

Эти типы отклонений отмечены в речи наибольшего количества информантов: замещения им. п. → предл. п. встречены в речи 9 из 11 информантов, дат. п. → вин. п. – в речи 6 из 11 информантов, в то время как им. п. → вин. п. – у 3 из 11 информантов.

Выделенные ОРС были соотнесены с системными закономерностями и активными тенденциями в области падежного управления в шорском и русском языках.

Вначале данные о наиболее регулярных замещениях нормативных использований падежных форм были проинтерпретированы в

соотнесении с особенностями падежной грамматики шорского языка. В работе над этим аспектом поиска возможных межъязыковых влияний мы опирались на материалы по грамматике тюркских языков, в т. ч. шорского ([15; 16; 17: 55–62]; собственные экспедиционные материалы по шорским говорам), на труды, посвященные описанию конкретных явлений интерференции в условиях русско-тюркского взаимодействия в исследуемом регионе ([1; 5] и др.).

В грамматике шорского языка, как и в русском языке, категория падежа наличествует, однако отмечаются существенные различия в формально-семантической структуре категории, в системе оппозиций частных грамматических значений и взаимодействий с другими грамматическими и лексико-грамматическими категориями.

Среди существенных характеристик шорского падежа, значимых для дальнейшего анализа, отметим следующие: тюркский падеж, в отличие от русского, не является обязательно выражаемой именной категорией; в падежных оппозициях тюркского имени выделяется т. н. неформленный падеж (основа без падежного аффикса), часто определяемый как «именительный»: наименее маркированный, форма имени без окончания – падеж назывной формы, субъекта, неопределенного прямого объекта (*ол палык қарбақтапча* «он рыбу удит», *палык* «рыба»), неконкретнореферентного именного определения (*таш эм* «каменный дом», *таш* «камень»), им же управляют большинство послелогов: «Неопределенный, или неформленный, падеж по форме совпадает с именительным, по значению соответствует винительному, притяжательному и в отдельных случаях – местно-временным падежам, неопределенным» [6: 69].

Значимыми, как нам представляется, оказываются и отличия межкатегориальных взаимодействий падежа в грамматиках шорского и русского языков. В шорском языке падеж взаимодействует с категорией определенности / неопределенности (неформленный винительный падеж ставится в том случае, когда обозначается «род» предметов или неопределенная масса вещества, когда говорится о предмете неопределенном, неизвестном, не упоминаемом в предшествующем контексте, не выделенном в нем) [6: 54]. В русском языке – с категорией грамматического рода и лексико-грамматической категорией одушевленности / неодушевленности (падежные формы варьируются в зависимости от рода и находятся в корреляции с лексико-грамматической категорией одушевленности / неодушевленности (ср. вин. п. – *стол, Петра, окно, пулю, Дашу*)).

Наличие систематического выражения объектных значений, называемых в русском языке с помощью формально маркированных падежных форм, немаркированной формой в шорской грамматике,



может интерпретироваться в качестве фактора, влияющего на появление замещений форм вин. п. формами им. п. в русской речи шорско-русских билингвов. Данное влияние может поддерживаться другими факторами:

1) отсутствием категории рода в шорском языке, что может быть причиной меньшей восприимчивости к формальным оппозициям в русском языке, связанным с родовыми противопоставлениями: *Я геометрию любила, алгебра, геометрия* (алгебру, геометрию). *Он очень хорошо рассказывал. И география* (географию), *историю. География он* *пряма как историю рассказывал* (Н.Н., с, 2);

2) отсутствием категории одушевленности / неодушевленности: *Ну как-то этот, как будто люди судишь...* (людей судишь) *неприлично всё равно; ...некоторые, которые тоже такое... в такой ситуации находились эта... многие... многие* (многих) *из-за этого даже во вспомогательную школу отправляли* (С.Г., в, 2).

Как отмечается в литературе, в шорском языке «неоформленный падеж по форме совпадает с именительным, по значению соответствует... местно-временным падежам, неопределенным» [6: 59], что может быть проинтерпретировано в качестве одного из факторов, вызывающих наиболее регулярное колебание в использовании формы предл. п., ее замещением формой им. / вин. п.: *Я родилась в Таштагольский район* (в Таштагольском районе). *Эээ... Спасенский сельский совет, поселок* (в посёлке) *Усть-СелЕзень* (О.Н., н, 3); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз* (в селе), *в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., нв, 2); *Я бы мож Междуреченск* (в Междуреченске) *осталась бы, а без этого меня не взяли на работу* (Н.Н., с, 2); *Прошлы год* (в прошлом году) *в декабре... а нет, обманываю? Прошлы (прошлый) год* (в прошлом году) *другие были* (М.Н., н, 3); *...а они, наэрно, а нет, они не прошлы год* (не в прошлом году), *а... года два, навэрно, тому назад приезжали* (М.Н., н, 3). Во временном значении такое отклонение может быть вызвано и русским диалектным влиянием, ср.: *Запрошлый год вся семья утонула. В Колпашевой автобус тонул, тоже запрошлый год. Запрошлый год тёлку купил* и др. [14: 44–45].

Как видим, функциональная экспансия форм им. п. в русской речи шорско-русских билингвов может быть вызвана отмеченным влиянием усвоенных в детстве грамматических конструкций для выражения нескольких типовых смысловых, функциональных позиций имени.

Вместе с тем, говоря о возможности данных влияний, мы также должны учитывать, что в ряде случаев экспансия немаркированных форм именительного падежа определяется и функциональным рас-

пределением падежных форм в структуре русского языка. Им. п. и в структуре русского языка как макросистемном образовании, и в структуре выражения смыслов в русской разговорной речи является наиболее частотным [7: 29–30]. Исследователи отмечают широту функций немаркированных членов морфологических парадигм, в т. ч. им. п., в русской разговорной речи [13: 98]. Расширение функций немаркированной формы именительного падежа во многом определяется неподготовленностью речи. Контексты некоторых падежных смещений могут свидетельствовать о речевых ситуациях хезитации – речевого сбоя, о поисках соответствующей конструкции, в которую вписывается искомая падежная форма: *Родилась она ...мм ...село* (в селе) *Узюнугау, нынче называется Чувашка* (И.А., нв, 2). При этом авторы «Русской разговорной речи» отмечают, что регулярность использования им. п. в данной позиции соотносится с замечаниями Т.Г. Власенко о широкой употребительности в разговорной речи разных языков им. п. при ответах на вопрос о местопребывании лица [13: 98].

В некоторых контекстах использование формы им. п. может получить и дополнительное дискурсивное и жанровое обоснование в контекстах институционального дискурса, в жанре интервью, соотносимого с заполнением анкетных данных, при которых типичной является форма именительного падежа: – *Сергей Гордеевич, скажите, пожалуйста, где Вы родились?* – *Ну это... Кемеровская область. Таштагольский район, посёлок Белка* (С.Г., в, 2); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз (в селе), в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., нв, 2).

Нестабильность нормы, обусловленная шорским субстратным влиянием, может поддерживаться и т. н. конкуренцией русских падежных форм. Так, в зону варьирования естественным образом включается формальное маркирование род. п., что также обусловлено, наряду с интерферентным влиянием шорской падежной грамматики, особенностями русского падежного распределения, конкуренцией форм вин. п. и род. п., замещением формами род. п. позиций вин. п. в условиях лексических и семантико-синтаксических ограничений (количественные конструкции, конструкции с отрицанием, семантика полноты охвата объекта и т. п.). Так, например, ОРС в следующих приведенных фрагментах связаны с нарушением нормативного использования форм род. п. в конструкциях с отрицанием, соответствующих управлению вин. п. при глаголах без отрицания: *Ну, и привычка (привычки) как-то не было пить... родниковой напьёшься мож не до этого было нам* (И.А., нв, 2) (сравни нормативное *была привычка*); *Я говорю: «Шаманской религии вообще семь тысяч лет, а вашей сколько?*

*Две тыщи (двух тыщ) даже нету» (И.А., нв, 2). Заготовливаю опять. Нынче у нас, например, огурцы не хватили (огурцов не хватило) (Н.Н., с, 2).* В субстратном шорском языке в данных позициях используется основной, или неоформленный, падеж: *пистинь тойгаларыбыста ань кён* «в нашей тайге много зверя», *сеень эзеринь чок* «у тебя нет седла» [6: 58].

Заметим, однако, что в данное формоупотребление может быть проинтерпретировано как непосредственная калька шорской конструкции со значением «хватать»: букв. «(нечто) берет», ср. шорское: *арыг кужинь албас* «у тебя силы не хватит» (букв. «твоя чистая сила не возьмет») [6: 222]. Таким образом, ОРС в использовании падежных форм могут быть также вызваны оппозицией частных конструктивных особенностей в структурах вступающих во взаимодействие языков в речевых практиках билингва. В наших материалах было отмечено (хотя и в незначительном количестве примеров) замещение формой им. п. формы твор. п. в позиции творительного предикативного при фазовых глаголах и глаголах, названных в [12] полужнаменательными (*являться, бывать, стать, делаться, казаться*), при переходных глаголах мысли со значением приписывания свойства (*считать, находить*): *Так-то всё прошла, начиная с уборщицы, и учитель (учителем) начальных классов я работала, воспитателем работала* (ЕН, в, 2); *А, вот, перед пенсией вы где работали? – Я на рОднике... штукатуром, строитель (строителем)* (Н.Н., с, 2); *Ну, нянечка (нянечкой) в больнице пойдешь, ну, поваром, если выучишься* (Н.Н., с, 2); *Я говорю: я когда туда приехала, вот какую-то (какой-то) такую... (такой), ущемленную (ущемлённой) себя почувствовала* (ЕН, в, 2). Такое замещение может быть обусловлено тем, что данная функционально-семантическая позиция выражается в шорском языке формой основного, или неопределенного, падежа. (В основном падеже ставится имя при глаголах «быть», «действовать», «называться» [6: 52].)

Таким образом, данные полевых записей устной спонтанной речи носителей регионального варианта русского языка, находящегося в зоне активного межъязыкового контактирования, позволяют проинтерпретировать отклонения от речевого стандарта в речи билингов как обусловленные множественными внутриязыковыми и межъязыковыми влияниями. Представленная модель анализа может быть применена к анализу речевых практик носителей разных вариантов билингвизма, в т. ч. в вариантах, при котором материнский язык, перемещаясь в позиции языка семейного общения, продолжает оказывать глубинное влияние на речевые практики на функционально доминирующем языке.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. О терминологическом обозначении данного феномена см., напр., [2: 18].

2. Корпус включает три подкорпуса: записи русской речи шорско-русских, татарско-русских и хакасско-русских билингвов, описание корпуса см. в [10: 105–118], анализ процессов языкового взаимодействия на материале других подкорпусов см., напр., [9: 213–225].

3. Фрагменты транскриптов интервью и бесед не редактируются, сохраняют особенности спонтанной разговорной речи наших собеседников. В соответствии с соглашением об анонимности мы не приводим в публикациях персональные данные респондентов, фрагменты диалогов сопровождаются обозначением инициалов их имен и отчеств, возрастной группы (1 – до 40 лет, 2 – от 40 до 65, 3 – от 65 и старше), уровня образования (в – высшее, нв – неполное высшее, с – среднее, н – начальное). В диалогах реплики информантов даются курсивом, реплики также анонимизированных интервьюеров – основным шрифтом, разграничиваются тире).

4. Непосредственный материал анализа – 11 направленных интервью, записанных в экспедициях в Горной Шории, в городах Шерегеш и Таштогол и деревне Большая Суета в 2017–2019 гг.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрахманов М.А.* К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960.

2. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 1918. № 14. С. 5–23. DOI: 10.17223/22274200/14/1

3. *Артёменко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 10.17223/18572685/56/18

4. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf](https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf) (дата обращения: 04.11.2020).

5. *Гордеева О.И.* Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965.

6. *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941. 306 с.

7. *Земская Е.А. Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

8. *Казакевич О.А.* Документация исчезающих языков Сибири (на материале

двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3 (44). С. 221–231.

9. Нагель О.В., Темникова И.Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13

10. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.

11. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.

12. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 04.11.2020).

13. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.

14. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 183 с.

15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. 557 с.

16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. 767 с.

17. Чистяков Э.Ф. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 55–62.

18. Marian, V., Blumenfeld, H.K., Kaushanskaya, M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967.

## REFERENCES

1. Abdrakhmanov, M.A. (1960) *K voprosu o zakonomernostyakh dialektnoyazykovogo smesheniya (na materiale tyurkskogo govora der. Eushta Tomskogo rayona)* [On patterns of dialect-language intermixing (with reference to the Turkic dialect of the village of Eushta, Tomsk Region)]. Philology Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

2. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (1918). Problems of lexicographic description of language teaching terminology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/1

3. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of Sociolinguistic Situation of Khakass-Russian Language Interaction in South Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/18

4. The Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian population census 2010]. [Online] Available from:

[https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf](https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf) (Accessed: 4th November 2019).

5. Gordeeva, O.I. (1965) *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivayemyy yazyk v protsesse stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov* [Some regularities of the influence of the native language on the learned language in the process of the formation of bilingualism (with reference to Russian and five Tatar Siberian dialects)]. Philology Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

6. Dyrenkova, N.P. (1941) *Grammatika shorskogo yazyka* [The Shor Grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

7. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

8. Kazakevich, O.A. (2006) Documents of obsolescent languages of Siberia (based on the materials from two settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231 (in Russian).

9. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

10. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of Oral Speech of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: Typologically Relevant Signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118 (in Russian). DOI: org/10.17223/22274200/11/7

11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). <http://doi.org/10.17223/15617793/436/7>

12. Rusgram.ru. (n.d.) *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru> (Accessed: 4th November 2019).

13. Zemskaya, E.A. (ed.) (1983) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.

14. Blinova, O.I. (ed.) (1977) *Slovar' prostorechiy russkikh govorov Srednego Priob'ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Tenishev, E.R., Arakin, V.D., Blagova, G.F. et al. (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka.

16. Tenishev, E.R., Blagova, G.F., Grunina, E.A. et al. (2002) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstruction]. Moscow: Nauka.

17. Chispiyakov, E.F. (1986) K voprosu o formirovanii dialektnoy sistemy shorskogo yazyka. In: Martynov, A.I. (ed.) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii*

*aborigenov Sibiri* [Problems of the Ethnogenesis and Ethnic History of Siberian Aborigines]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 55–62.

18. Marian, V., Blumenfeld, H.K., Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007)067

**Резанова Зоя Ивановна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Zoya I. Rezanova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** rezanovazi@mail.ru

**Дыбо Анна Владимировна** – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских исследований Института языкознания РАН, заведующая лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

**Anna V. Dybo** – Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, National Research Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** adybo@mail.ru